

УДК 343.2/.7

DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(2).298-304

СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.И. Рарог

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва,
Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
23 декабря 2019 г.

Дата принятия в печать
8 апреля 2020 г.

Дата онлайн-размещения
30 апреля 2020 г.

Ключевые слова

Соотношение интересов; личность и государство; приоритет интересов; интересы лица, совершившего преступление; нормы-принципы; нормы-цели; нормы-дозволения; нормы-поощрения; нормы-компромиссы; нормы-снисхождения

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по соглашению № 19-011-00818\19

Аннотация. В статье ставится проблема соотношения интересов индивида и публичной власти, давно занимающая умы философов, социологов, политологов и юристов и имеющая огромное криминологическое значение, поскольку она определяет важнейшие направления законодательной, правоприменительной и организационно-профилактической деятельности. Подвергается сомнению правомерность характеристики этого соотношения как баланса, паритета, равенства даже применительно к государствам, конституционно провозгласившим себя правовыми, поскольку монополия любого государства на принуждение заведомо исключает паритет интересов. Видимо, о гармонии интересов личности и государства допустимо (с известной долей условности) говорить только применительно к конституционному праву. В других же отраслях права соотношение интересов индивида и государства должно характеризоваться по-разному. Уголовное право, будучи карательным по своей сущности, не может и не должно относиться как к партнеру к лицу, совершившему преступление: оно всегда требует от этого лица ответа и по общему правилу подвергает его наказанию за содеянное. Однако это вовсе не означает, что интересы лица, совершившего преступление, полностью игнорируются. Основным интерес такого лица сводится к тому, чтобы за совершенное деяние подвергнуться минимально строгому карательному воздействию. Этот интерес учитывается государством различными способами и в разном объеме. Нормы уголовного законодательства РФ, в которых интересы государства и лица, совершившего преступление, в той или иной мере сближаются, можно разделить на пять групп: 1) нормы-цели и нормы принципы, в которых интересы государства и лица, совершившего преступление, фактически совпадают; 2) нормы-дозволения; 3) нормы-поощрения; 4) нормы-компромиссы; 5) нормы-снисхождения. Каждая из названных групп уголовно-правовых норм анализируется и оценивается автором.

RELATIONSHIPS BETWEEN THE INTERESTS OF THE PERSON AND THE STATE IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Aleksey I. Rarog

Kutaftin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2019 December 23

Accepted
2020 April 8

Available online
2020 April 30

Keywords

Relationships between interests; person and state; priority of interests; interests of a person who has committed a crime; norms-principles; norms-goals; norms-permissions; norms-incentives; norms-compromises; norms-allowances

Abstract. The author raises the problem of relationships between the interests of the person and public authorities, which has long occupied the minds of philosophers, sociologists, political scientists and lawyers, and which has an enormous criminological significance as it defines critically important directions of legislative, law enforcement and organizational-preventive activities. The author questions the legitimacy of characterizing this relationship as a balance, parity, or equality even in relation to the states who have constitutionally proclaimed themselves to be law-based states, because the monopoly of any state on the use of coercive force deliberately excludes a parity of interests. Evidently, it is only possible (somewhat conditionally) to discuss a harmony between the interests of the person and the state in relation to constitutional law. For other branches of law, the relationship between the interests of the person and the state should be characterized differently. Criminal law, repressive by its nature, cannot and should not treat a person who has committed a crime as a partner: it always holds this person accountable and, by a general rule, punishes him for the crime. This does not, however, at all mean that the interests of a person who has committed a crime are totally ignored. The key interest of this person consists in

Acknowledgements

This research is financially supported by the Russian Foundation for Fundamental Research under Agreement № 19-011-00818\19

getting a minimal penalty for the committed actions. This interest is recognized by the state in different ways and to a different scope. The norms of criminal legislation of the Russian Federation, in which the interests of the state and the interests of the person who has committed a crime converge to some degree, could be divided into five groups: 1) norms-goals and norms-principles, where the interests of the state and the interests of the person who has committed a crime actually coincide; 2) norms-permissions; 3) norms-incentives; 4) norms-compromises; 5) norms-allowances. The author analyzes and assesses each of these criminal law norms.

Проблема соотношения интересов личности и государства давно занимает умы философов, социологов, политологов и юристов. Являясь идеологической платформой уголовной политики, она имеет огромное криминологическое значение, поскольку определяет важнейшие направления законодательной, правоприменительной и организационно-профилактической деятельности.

Некоторые представители общей теории государства и права характеризуют соотношение интересов индивида и публичной власти с помощью терминов «баланс», «паритет», «равенство», обычно связывая его с правовым государством [1, с. 46; 2, с. 143; 3, с. 136–137; 4, с. 143–144; 5]. Но, во-первых, даже государства, конституционно провозгласившие себя правовыми, пока далеки от его идеала, а во-вторых, даже идеальное правовое государство как субъект правоотношений всегда будет обладать монополией на принуждение [6, с. 237–242], что уже исключает паритет интересов.

Думается, что о равенстве, паритете, гармонии интересов личности и государства допустимо говорить только применительно к конституционному праву. Во-первых, Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием, поэтому ее нормы могут считаться непосредственным результатом волеизъявления граждан. Во-вторых, «Конституция — это в первую очередь идеология, а уже потом — право» [7, с. 33], поскольку она является идеологической основой общественного устройства. Поэтому российское конституционное право дает все основания для постановки вопроса о единстве интересов личности и государства [5; 6; 8; 9].

Совершенно иначе соотносятся, например, интересы налогоплательщика и государства в лице его фискальных органов в налоговом праве. Многие налогоплательщики вступают в прямое противостояние с налоговыми органами. «Масштабы уклонений от уплаты налогов и противодействия налогоплательщиков существующей налоговой политике вышли на тот

уровень, когда стали создавать определенную угрозу экономической безопасности всего государства» [10, с. 4].

Видимо, соотношение интересов индивида и государства должно характеризоваться по-разному в различных отраслях права. Представляется правильным вывод некоторых правоведов о допустимости установления приоритета либо частных, либо государственных интересов в зависимости от предметной сферы их реализации [11, с. 17]. При этом принцип ответственности государства перед гражданином (ст. 53 Конституции РФ) не имеет абсолютного значения. Напротив, по мнению некоторых ученых, «практика реализации этого принципа такова, что в отношениях «государство — гражданин» первое в подавляющем большинстве случаев доминирует над вторым. Здесь нет равной ответственности друг перед другом» [12, с. 429]. Такого же мнения придерживается и В.В. Субочев, полагающий, что «государственный интерес может и должен в определенных случаях противоречить интересам личности, отдавая предпочтение общественному, а в других случаях противоречить общественному ради защиты интересов каждого» [13, с. 6].

Предварительные замечания по поводу соотношения интересов личности и государства имеют методологическое значение при анализе обозначенной проблемы применительно к уголовному праву. В уголовно-правовой науке данная проблема глубоко исследуется относительно недавно, главным образом — в аспекте соотношения императивного и диспозитивного методов уголовно-правового регулирования (А.В. Сумачев, Э.Л. Сидоренко, Д.В. Лопашенко) или правомерности самостоятельной защиты гражданином своих или иных общественно важных интересов (Н.В. Шигина). При этом механизм реализации диспозитивного метода в уголовном праве понимается по-разному. Так, Э.Л. Сидоренко средствами реализации диспозитивного метода уголовно-правового регулирования считает «институт согласия лица на

причинение вреда; освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ); самостоятельную защиту прав (ст. 37 и 39 УК РФ) и институт уголовного преследования по делам «частного обвинения» (ч. 2 ст. 20 УПК РФ)» [14, с. 150]. А.В. Сумачев к формам проявления диспозитивности в уголовном праве относит необходимую оборону и задержание лица, совершившего преступление; обоснованный риск; примирение с потерпевшим; согласие на причинение вреда (примечание к ст. 122 УК РФ) и уголовное преследование в порядке частного обвинения [15, с. 12]. По мнению Д.В. Лопашенко, под проявлением «частного» в уголовном праве понимаются частные (примечание к ст. 122 УК РФ) и частно-публичные субинституты (ст. 75 и 76 УК РФ), а также специальные виды освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.1 и примечания к статьям Особенной части УК РФ о специальных видах деятельного раскаяния) [16, с. 15–16].

Однако вопрос о соотношении интересов личности и государства в российском уголовном праве выходит далеко за рамки диспозитивного метода уголовно-правового регулирования. В зарубежной литературе эта проблема рассматривается в более широком контексте в дискуссиях о целях, принципах и социальном назначении уголовного права [17; 18]. Затронутую проблему следует анализировать в более широком плане, а именно в русле нормативного учета интересов личности в уголовно-правовом регулировании. Отечественное уголовное право учитывает эти интересы в соответствии со статусом гражданина. И в первую очередь речь должна идти об учете интересов лица, совершившего преступление, поскольку при защите интересов потерпевшего государство всегда стоит (во всяком случае, должно стоять) на его стороне. По верному замечанию Дж. Флетчера, «наказание выражает солидарность (государства. — А. Р.) с потерпевшим» [19; 20].

Человек, совершивший преступление, продолжает оставаться личностью и сохраняет права и свободы человека и гражданина с возможностью их ограничения только в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. При этом Конституция провозглашает запрет на ограничение целого ряда прав и свобод (ч. 3 ст. 56). И хотя этот запрет содержится в статье, посвященной чрезвычайному положению, он сохраняет силу и в случае совершения преступлений. Лицо, совершившее преступление, в соответствии с этим статусом

приобретает ряд специфических прав, которые связаны с фактом совершения преступления и не используются при обычных обстоятельствах (ст. 45–54 Конституции РФ). Значение Конституции не только для уголовно-процессуального, но и для материального уголовного права, в частности использование ее положений при криминализации общественно опасных деяний и определении санкций, подчеркивается и некоторыми зарубежными криминалистами [21].

Собственно, интересы лица, совершившего преступление, в уголовном праве сводятся в конечном счете к единственному: за совершенное им деяние подвергнуться минимально строгому карательному воздействию. Именно ради этого оно использует все права, предоставленные ему Конституцией РФ, уголовным, уголовно-процессуальным и иным законодательством.

Указанный интерес учитывается государством различными способами и в разном объеме. Именно по этим признакам можно классифицировать уголовно-правовые нормы, в которых интересы государства и лица, совершившего преступление, в той или иной мере сближаются.

Первую группу таких норм составляют *нормы-цели* и *нормы-принципы*. Сформулированные в ч. 1 ст. 2 УК РФ задачи в полной мере соответствуют интересам не только государства, но и любого человека, в том числе и совершившего преступление. То же относится и к принципам уголовного законодательства (ст. 3–7 УК РФ). Поэтому соотношение интересов личности и государства в этих нормах можно охарактеризовать как *гармонию* интересов.

Вторая группа уголовно-правовых норм управомочивает лиц на совершение действий, которые являются уголовно-противоправными в обычных условиях, но, будучи совершенными при особых сложившихся обстоятельствах, приобретают качество социально полезных, направленных на самостоятельную защиту прав [22, с. 14] (ст. 37–39 УК РФ), или социально оправданных, извинительных (ст. 40–42 УК РФ). Следовательно, такие нормы можно назвать *нормами-дозволениями*.

Третью группу образуют *нормы-поощрения*. С учетом позитивного постпреступного поведения лица большинство из них предусматривает освобождение виновного от уголовной ответственности. Такие последствия предусмотрены, например, ст. 75 УК или соответствующими примечаниями к статьям Особенной ча-

сти УК (ст. 126, 127.1, 145.1, 178, 184, 198, 199.1, 199.3, 199.4, 200.1, 200.3, 200.5, 204, 204.1, 205, 205.1, 205.4, 205.5, 206, 208, 210, 212, 222, 222.1, 223, 223.1, 228.3, 275, 282.1, 282.2, 275, 282.3, 284.1, 291, 291.1, 291.2, 307, 322.2, 322.3). Позитивное постпреступное поведение, служащее основанием для поощрения, может в соответствии с законом либо ограничиваться только прекращением продолжаемого преступления (похищение человека, захват заложника, невыплата заработной платы, незаконное хранение оружия и т.д.), либо сопровождаться активным содействием раскрытию или расследованию преступления (например, по делам об ограничении конкуренции — ст. 178 УК, о контрабанде денежных средств — ст. 200.1 УК, об участии в преступном сообществе — ст. 210 УК и т.д.).

Поощрение может заключаться не только в освобождении от уголовной ответственности, но и в смягчении наказания виновному. Примерами норм с таким объемом поощрения могут служить п. «и» (деятельное раскаяние, выраженное в содействии раскрытию преступления) и п. «к» (деятельное раскаяние, выраженное в компенсации или минимизации причиненного вреда) ч. 1 ст. 61 и ч. 1 ст. 62 УК РФ, которая устанавливает пределы обязательного смягчения наказания при наличии любого из названных выше смягчающих обстоятельств и отсутствииотягчающих обстоятельств.

Четвертая группа норм, в которых в расчет принимается интерес лица, совершившего преступление, объединяет положения, в которых государство вступает в *компромисс* с таким лицом. Предметом компромисса может быть или примирение с потерпевшим (ст. 76 УК), или полное возмещение ущерба, причиненного налоговым преступлением бюджетной системе РФ (ч. 1 ст. 76.1 УК), или выполнение определенных финансовых требований по делам о преступлениях, связанных с незаконным извлечением дохода либо причинением имущественного вреда (ч. 2 ст. 76.1 УК), или полное возмещение ущерба либо иной способ заглаживания вреда, причиненного преступлением небольшой или средней тяжести (ст. 76.2 УК), или заключение досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК и отсутствииотягчающих обстоятельств (ч. 2, 4 и 5 ст. 62 УК), или твердое становление на путь исправления в процессе отбывания наказания, свидетельствующее об отсутствии необходимости в полном

отбывании назначенного наказания (ст. 79, 80 и 93 УК). И.А. Тарханов к поощрительным относит и нормы об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания [23, с. 368–386]. Вряд ли с этим следует согласиться, поскольку основанием такого освобождения являются не позитивные постпреступные действия лица, а определенная степень его исправления в процессе отбывания назначенного наказания. Суть этого института заключается в том, что государство готово несколько отступить от своей позиции относительно строгости наказания за совершенное преступление, если осужденный со своей стороны проявит готовность к исправлению и добросовестному исполнению предъявляемых к нему требований.

На основании компромисса с государством лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности (ст. 76–76.2 УК), либо ему назначается наказание не свыше установленного законом предела (ч. 2 и 5 ст. 62 УК), либо назначенное наказание может быть заменено более мягким его видом (ст. 80 УК), либо лицо может быть условно-досрочно освобождено от отбывания наказания (ст. 79, 93 УК).

Пятую группу уголовно-правовых норм, в которых государство учитывает интересы лица, совершившего преступление, составляют *нормы-снисхождения*. Они характеризуются тем, что государство исключительно из гуманистических соображений отступает в определенных случаях от общих правил уголовно-правового регулирования. В этой группе можно выделить несколько видов норм.

Во-первых, законодатель выделяет ряд обстоятельств, которые он объявляет смягчающими независимо от вида совершенного преступления (пп. «а»–«з» ч. 1 ст. 61 УК). Заметим, что приведенный в законе перечень смягчающих обстоятельств не является закрытым. Изучение судебной практики учета иных смягчающих обстоятельств и их оценки в общественном мнении могло бы послужить совершенствованию уголовного закона. В качестве примера можно привести американское выборочное исследование общественного мнения об учитываемых при назначении наказания обстоятельствах, не предусмотренных уголовным законом, среди которых признание вины, искреннее раскаяние, преклонный возраст обвиняемого, его особые таланты или заслуги перед обществом, прощение потерпевшим и ряд других [24].

Во-вторых, из числа смягчающих обстоятельств законодатель выделяет исключительные, которые в более определенных рамках влияют на строгость наказания; позволяют назначить наказание меньше минимального размера, установленного за данное преступление, или назначить более мягкий вид наказания, не предусмотренный санкцией, или не назначить дополнительный вид наказания, который в санкции значится как обязательный (ст. 64 УК).

В-третьих, независимо от характера и тяжести преступления закон ограничивает максимальный предел возможного наказания, если присяжные вынесли вердикт о том, что виновный заслуживает снисхождения (ст. 65 УК).

В-четвертых, руководствуясь интересами семьи и детей, закон предусматривает возможность предоставления отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и матерям детей в возрасте до 14 лет, а также мужчинам, которые являются единственным родителем ребенка в том же возрасте (ст. 82 УК).

В-пятых, гуманизм законодателя проявляется в закреплении возможности предоставить отсрочку отбывания наказания лицам, которые впервые совершили связанные с наркотическими средствами преступления небольшой тяжести, были признаны больными наркоманией и изъявили желание пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию. Суд вправе предоставить отсрочку отбывания лишения свободы до окончания лечения и реабилитации, но не более чем на пять лет.

В-шестых, гуманистическую подоплеку имеют предусмотренные законом исключения из общих правил применения ряда уголовно-правовых норм Особенной части УК.

Так, примечанием к ст. 122 УК установлено, что не несет уголовной ответственности за заражение другого ВИЧ-инфекцией лицо, своевременно предупредившее о наличии у него ВИЧ-инфекции полового партнера, который добровольно согласился на сексуальный контакт.

Примечанием к ст. 134 УК установлено, что лицо, впервые вступившее в половой акт с лицом моложе 16 лет или совершившее по отношению к нему иные действия сексуального характера, освобождается судом от наказания, если виновный и совершенное им деяние перестали быть общественно опасными в связи с заключением брака между виновным и потерпевшим лицами.

В соответствии с примечанием к ст. 151 УК (вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий) ее действие не распространяется на случаи вовлечения несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством, если это явилось следствием стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой средств к существованию или отсутствием места жительства. Соглашаясь с обоснованностью такого решения, можно лишь выразить недоумение, почему законодатель распространил приведенное примечание только на вовлечение в занятие бродяжничеством, оставив без внимания вовлечение в занятие попрошайничеством.

Статья 205.6 УК (несообщение о преступлении террористического характера) имеет примечание, согласно которому лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о преступлении, совершенном его супругом или близким родственником. Аналогичным примечанием снабжена ст. 316 УК (укрывательство преступлений). Эти примечания полностью соответствуют ч. 1 ст. 51 Конституции и не нуждаются в дальнейших комментариях.

К ст. 337 УК (самовольное оставление части или места службы) и к ст. 338 УК (дезертирство) имеются примечания с одинаковым смыслом: если любое из этих деяний совершено впервые и оно явилось следствием тяжелых жизненных обстоятельств, военнослужащий может быть освобожден от уголовной ответственности за совершенное деяние. Хотя освобождение от уголовной ответственности за самовольную отлучку и за дезертирство является факультативным, оно гарантирует виновному, что при решении вопроса о его ответственности будет проявлено максимальное снисхождение: если причины совершенного деяния сводятся к тяжелым жизненным обстоятельствам, деяние останется без наказания.

Высказанные соображения о соотношении интересов личности и государства в российском уголовном праве отнюдь не претендуют на бесспорность, а тем более — на окончательность. Весьма вероятным представляется расширение перечня норм, учитывающих интересы особых категорий субъектов уголовно-правовых отношений. Одним из возможных путей вполне может стать, например, норма о медицинском риске, поскольку институт обоснованного риска по своим параметрам не вполне применим к случаям причинения вреда в сфере медицинского обслуживания населения. В новой норме могут

быть расширены и уточнены условия исключения уголовной ответственности за причинение физического вреда при оказании медицинской помощи и определены допустимые пределы

медицинского риска, а превышение таких пределов может быть предусмотрено как самостоятельное преступление, совершенное при особо смягчающих обстоятельствах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлихин И.Ю. Идея правового государства. История и современность / И.Ю. Козлихин. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. — 152 с.
2. Малько А.В. Правовое государство / А.В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1997. — № 3 (218). — С. 137–146.
3. Теория государства и права : учебник / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — 2-е изд. — Москва : Юрист, 2001. — 776 с.
4. Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учебник / А.Ф. Черданцев. — Москва : Юрист, 2003. — 432 с.
5. Ожегова Г.А. О соотношении прав и свобод личности с интересами государства и общества / Г.А. Ожегова // Проблемы российского законодательства: история и современность : материалы Межрегион. науч.-практ. конф., Тольятти, 2–3 февр. 2007 г. — Самара, 2007. — Ч. 1. — С. 21–25.
6. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б.С. Эбзеев. — Москва : Норма, 2007. — 383 с.
7. Корнев А.В. Место и роль теории государства и права среди юридических дисциплин / А.В. Корнев, Л.И. Беляева // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 4 (44). — С. 28–33.
8. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации / Н.С. Бондарь. — Москва : Юстицинформ, 2005. — 592 с.
9. Зорькин В.Д. Деятельность Конституционного Суда РФ. Решения, проблемы и перспективы : интервью с председателем Конституц. Суда РФ / В.Д. Зорькин ; беседовал А. Кузнецов // Законодательство. — 2008. — № 12. — С. 5–15.
10. Арутюнян М.Г. Ситуационные особенности методики первоначального этапа расследования уклонения физического лица от уплаты налогов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / М.Г. Арутюнян. — Москва, 2019. — 31 с.
11. Черепанова О.С. К вопросу о соотношении интересов личности и государства / О.С. Черепанова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2010. — № 2 (12). — С. 17–24.
12. Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия / Р.Л. Хачатуров ; под ред. В.А. Якушина. — Тольятти : Изд-во Волж. ун-та им. В.Н. Татищева, 2005. — Т. 4. — 510 с.
13. Субочев В.В. Законные интересы / В.В. Субочев ; под ред. А.В. Малько. — Москва : Норма, 2008. — 496 с.
14. Сидоренко Э.Л. Безопасность личности в уголовном праве: соотношение частных и публичных интересов / Э.Л. Сидоренко // Общество и право. — 2010. — № 1 (28). — С. 146–150.
15. Сумачев А.В. Диспозитивность в уголовном праве: теоретико-прикладной анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Сумачев. — Екатеринбург, 2006. — 51 с.
16. Лопашенко Д.В. Соотношение частного и публичного в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.В. Лопашенко. — Москва, 2018. — 33 с.
17. Hart H.M. (jr.). The Aims of the Criminal Law / H.M. Hart (jr.) // Law and Contemporary Problems. — 1958. — Vol. 23, № 3. — P. 401–441.
18. Dubber M.D. Theories of Crime and Punishment in German Criminal Law / M.D. Dubber // American Journal of Comparative Law. — 2005. — Vol. 53, № 3. — P. 679–707.
19. Fletcher J.P. What is Punishment Imposed For? / J.P. Fletcher // Journal of Contemporary Legal Issues. — 1994. — Vol. 5. — P. 109.
20. Fletcher J.P. Place of Victims in the Theory of Retribution / J.P. Fletcher // Buffalo Criminal Law Review. — 1999. — Vol. 3, iss. 51. — P. 51–64.
21. Dubber M.D. Toward a Constitutional Law of Crime and Punishment / M.D. Dubber // Hastings Law Journal. — 2004. — Vol. 55, iss. 3. — P. 536–540.
22. Сидоренко Э.Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Э.Л. Сидоренко. — Москва, 2013. — 54 с.
23. Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве (вопросы теории, нормотворчества и правоприменения) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / И.А. Тарханов. — Казань, 2002. — 458 с.
24. Robinson P.H. Extralegal Punishment Factors: A Study of Forgiveness, Hardship, Good-Deeds, Apology, Remorse, and Other Such Discretionary Factors in Assessing Criminal Punishment / P.H. Robinson, S. Jackowitz, D.M. Bartels // Vanderbilt Law Review. — 2012. — Vol. 65. — P. 737–826.

REFERENCES

1. Kozlikhin I.Yu. *Ideya pravovogo gosudarstva. Istoriya i sovremennost'* [The Idea of a Legal State. History and Modernity]. Saint Petersburg State University Publ., 1993. 152 p.
2. Malko A.V. The Legal State. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 1997, no. 3 (218), pp. 137–146. (In Russian).
3. Matuzov N.I., Malko A.V. (eds.). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the State and the Right]. 2nd ed. Moscow, Yurist" Publ., 2001. 776 p.
4. Cherdantsev A.F. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the State and the Right]. Moscow, Yurist" Publ., 2003. 432 p.

5. Ozhegova G.A. On the Correlation of Individual Rights and Freedoms with the Interests of the State and Society. *Problemy rossiiskogo zakonodatel'stva: istoriya i sovremennost'. Materialy Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Tol'yatti, 2–3 fevralya 2007 g.* [Problems of Russian Legislation: History and Modernity. Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference, Tolyatti, February 2–3, 2007]. Samara, 2007, pt. 1, pp. 21–25. (In Russian).
6. Ebzeev B.S. *Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitutsionnye obyazannosti* [The Individual and the State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Responsibilities]. Moscow, Norma Publ., 2007. 383 p.
7. Kornev A.V., Belyaeva L.I. Place and Role Theory of State and Law among Juridical Sciences. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (44), pp. 28–33. (In Russian).
8. Bondar N.S. *Vlast' i svoboda na vesakh konstitutsionnogo pravosudiya: zashchita prav cheloveka Konstitutsionnym Sudom Rossiiskoi Federatsii* [Power and Freedom on the Scales of Constitutional Justice: Protection of Human Rights by the Constitutional Court of the Russian Federation]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2005. 592 p.
9. Zorkin V.D.; Kuznetsov A. (ed.). Activity of the Constitutional Court of the Russian Federation. Solutions, Problems and Prospects. *Zakonodatel'stvo = Legislation*, 2008, no. 12, pp. 5–15. (In Russian).
10. Arutyunyan M.G. *Situatsionnye osobennosti metodiki pervonachal'nogo etapa rassledovaniya ukloneniya fizicheskogo litsa ot uplaty nalogov. Avtoref. Kand. Diss.* [Situational specifics of the methodology of the initial state of investigating tax evasion by physical persons. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2019. 31 p.
11. Cherepanova O.S. To the Question on Correlation of Personal and State Interests. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2010, no. 2 (12), pp. 17–24. (In Russian).
12. Khachaturov R.L.; Yakushin V.A. (ed.). *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal Encyclopedia]. Togliatti, Volzhsky University after V.N. Tatischev Publ., 2005. Vol. 4. 510 p.
13. Subochev V.V.; Malko A.V. (ed.). *Zakonnye interesy* [Legal Interests]. Moscow, Norma Publ., 2008. 496 p.
14. Sidorenko E.L. Personal Security in Criminal Law: the Ratio of Private and Public Interests. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2010, no. 1 (28), pp. 146–150. (In Russian).
15. Sumachev A.V. *Dispozitivnost' v ugovnom prave: teoretiko-prikladnoi analiz. Avtoref. Dokt. Diss.* [Dispositivity in Criminal Law: Theoretical and Applied Analysis. Doct. Diss. Thesis]. Yekaterinburg, 2006. 51 p.
16. Lopashenko D.V. *Sootnoshenie chastnogo i publichnogo v ugovnom prave. Avtoref. Kand. Diss.* [The Ratio of Private and Public in Criminal Law. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2018. 33 p.
17. Hart H.M. (jr.). The Aims of the Criminal Law. *Law and Contemporary Problems*, 1958, vol. 23, no. 3, pp. 401–441.
18. Dubber M.D. Theories of Crime and Punishment in German Criminal Law. *American Journal of Comparative Law*, 2005, vol. 53, no. 3, pp. 679–707.
19. Fletcher J.P. What is Punishment Imposed For? *Journal of Contemporary Legal Issues*, 1994, vol. 5, pp. 109.
20. Fletcher J.P. Place of Victims in the Theory of Retribution. *Buffalo Criminal Law Review*, 1999, vol. 3, iss. 51, pp. 51–64.
21. Dubber M.D. Toward a Constitutional Law of Crime and Punishment. *Hastings Law Journal*, 2004, vol. 55, iss. 3, pp. 536–540.
22. Sidorenko E.L. *Dispozitivnost' kak rezhim ugovno-pravovogo regulirovaniya. Avtoref. Dokt. Diss.* [Dispositivity as a Mode of Criminal Law Regulation. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2013. 54 p.
23. Tarkhanov I.A. *Pooshchrenie pozitivnogo povedeniya i ego realizatsiya v ugovnom prave (voprosy teorii, normotvorchestva i pravoprimeneniya). Dokt. Diss.* [Encouraging the positive behavior and its implementation in criminal law (issues of theory, lawmaking and enforcement). Doct. Diss]. Kazan, 2002. 458 p.
24. Robinson P.H., Jackowitz S., Bartels D.M. Extralegal Punishment Factors: A Study of Forgiveness, Hardship, Good-Deeds, Apology, Remorse, and Other Such Discretionary Factors in Assessing Criminal Punishment. *Vanderbilt Law Review*, 2012, vol. 65, pp. 737–826.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рарог Алексей Иванович — научный руководитель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный юрист г. Москвы, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: alek.rarog@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рарог А.И. Соотношение интересов личности и государства в уголовном праве Российской Федерации / А.И. Рарог. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).298-304 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 2. — С. 298–304.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rarog, Aleksey I. — Research Supervisor, Chair of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honorary Researcher of the Russian Federation, Honorary Lawyer of Moscow, Moscow, the Russian Federation; e-mail: alek.rarog@yandex.ru.

FOR CITATION

Rarog A.I. Relationships between the interests of the person and the state in the criminal law of the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 298–304. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).298-304. (In Russian).